

В глуши у подножия гор тянулись мрачные и густые заросли.

Чу Сунхуэй, поигрывая на кончиках пальцев красным шнурком с нефритовым кулоном, верхом на лошади проехал по опавшей листве, любясь случайно встреченным живописным видом.

В старинной беседке юноша в простом одеянии цвета лунного света, словно пугливый крольчонок, сжимал в руке кинжал, вырезая в бамбуке отверстие для свирели. Слух у него оказался на редкость чутким: не успел он подойти близко, как тот уже обернулся. Выражение лица было простодушным и заторможенным, он хлопал ресницами, а те глаза — необычайно красивые, угольно-черные, чистые и влажные — двигались очень медленно, будто он с трудом различал предметы.

Чу Сунхуэй сидел в седле и некоторое время наблюдал за ним.

Услышав его слова, он невольно усмехнулся.

За долгие годы к нему пыталось приблизиться бесчисленное множество людей, и всевозможные уловки с покушениями или соблазнение давно стали для него привычным делом. Однако еще никто не вёл себя настолько глупо и неуклюже. И ладно бы неуклюже — как ему вообще удавалось с такой точностью выходить прямо к дороге, по которой он должен был проехать?

К тому же поездка Чу Сунхуэя в Линьчжоу задумывалась как тайная: в Цюйчжоу его повсюду донимали, и он смертельно устал от этого шума. Откуда же этот парень узнал об этом?

Подозрения Чу Сунхуэя лишь усилились, но вида он не подал. Ему как раз было скучно, и он не прочь развлечься, подыграв чужой игре, поэтому он спрятал нефритовый кулон, спешился, подошёл на пару шагов ближе и произнес:

— Раз ты проголодался, не угостить ли мне тебя обедом?

Чжао Мусяо с заторможенным видом наклонил голову и прислушался. Мысленно он отметил, что голос этого жениха просто восхитителен — лучше, чем у кого-либо из тех, кого он когда-либо слышал: чистый, чуть глуховатый и звенящий, как капли горного ручья о камни. В глазах Чжао Мусяо расплывчатый силуэт незнакомца казался прекраснее всех, кого он видел раньше; судя по всему, этот господин был высок и строен.

Заметив, как истово парень пялится на него, Чу Сунхуэй подумал, что тот на редкость правдоподобно притворяется слабовидящим. Терпением молодой господин Чу не отличался, поэтому он повторил вопрос.

— "Ур-р-р..."

Опомнившись, Чжао Мусяо прижал руку к животу и неловко улыбнулся.

Из окон стоявшей у берега за беседкой расписной лодки доносились дразнящие запахи еды. Чжао Мусяо учуял их еще раньше, но теперь лодка придвинулась ближе к берегу, и ароматы стали настолько насыщенными, что у голодавшего с самого утра парня заурчало в животе.

Он торопливо ответил:

— Хорошо, благодарю вас, господин Чу.

С этими словами, не пытаясь ничего скрыть на глазах у Чу Сунхуэя, он спокойно водворил кинжал обратно в голенище сапога, спрятал еще не доделанную флейту под бамбуковый куст и послушно, след в след, зашагал за молодым господином в белом.

«Ишь как старается привлечь к себе внимание», — подумал Чу Сунхуэй.

Поднявшись вслед за Чу Сунхуэем на второй этаж расписного судна, Чжао Мусяо устроился у окна прямо напротив своего суженого. Лодка поражала изысканной роскошью, а на столе уже красовалось множество блюд — как ни крути, а все это казалось совершенно неожиданным.

Он помнил слова отца о том, что после опалы семью Чу сослали в Юйчжоу на скромную мелкую должность; хотя за долгие годы они скопили кое-какие сбережения, жить они должны были скромно. Но это судно стоило чуть ли не дороже той ладьи, на которой его похитили и доставили к Церемониальному Маркизу, да и стоять оно должно было целое состояние. А все эти блюда даже его полуслепые глаза могли оценить как невероятно богатые. Оказывается, сын господина Чу большой любитель пустить пыль в глаза.

К тому же этот жених назначил встречу на час дракона, опоздал аж на два с лишним часа, но при этом даже не соизволил сам завести разговор с извинениями.

А-Тун был прав: сплошная невоспитанность.

Чжао Мусяо немного обиделся, но желудок сводило от голода, поэтому он принялся усердно накладывать себе еду, чтобы набить пузо.

Чу Сунхуэй заметил, что гость выбирает угощения исключительно из тех, что стоят перед ним, и старательно избегает кислую маринованную лотосовый корень, креветок под светлым соусом, рыбу с плодами корнуса и другие блюда с красноватым оттенком. Перебирая так, он ел только нежный тофу с зеленым луком, холодную лапшу с листьями софоры и плавники акулы с ароматом османтуса. Жевал он медленно, но манеры за столом были на удивление неплохи и доставляли некоторое эстетическое удовольствие.

Чу Сунхуэй, зажав в пальцах хрустальный бокал с розоватым вином, издал тихий цокающий звук.

Эта компания умела подбирать людей, интересно только, где они откопали столь красивого юнца. Жаль только, он действительно не вёлся на такое.

Этот юноша тоже был не слишком искушен: он все еще ждал, какие фокусы тот покажет, а спутник не произносил ни слова.

Ах да, возможно, это и была его хитрая тактика.

Раздался звонкий стук — изысканный хрустальный бокал опустился на стол. Чу Сунхуэй спросил:

— Вкусно?

Несмотря на высокомерие собеседника, родители учили его хорошим манерам. Чжао Мусяо кивнул:

— Вкусно.

И продолжил есть.

Чу Сунхуэй поинтересовался:

— И всё?

Те, кто пытался подобраться к нему раньше, сыпали красивыми словами направо и налево; они могли слагать поэмы о тончайших оттенках вкуса даже о простом блюде. А перед ним осталось всего два слова. Похоже, у них и вправду сменилась тактика.

Он переспросил:

— И чем же именно вкусно?

Услышав такой тон, Чжао Мусяо решил, что его ответ сочли слишком сухим. Но раз еда вкусная, как это развернуть? К тому же Чжао Мусяо был неграмотным и не умел выражать свои мысли. Помучавшись в догадках, он наконец вспомнил, как во времена его скитаний один безумный нищий всегда хвастался, будто пробовал блюда из императорской кухни, и расписывал их божественный вкус.

Чжао Мусяо выпалил:

— Вкусно так же, как в императорской кухне готовят!

Так ведь сойдёт?

Во взгляде Чу Сунхуэя мелькнул еще более глубокий смысл. Эта трапеза и вправду была приготовлена в императорской кухне. Обладая капризным вкусом и привыкнув к чужой стряпне, он умолял императора разрешить ему взять с собой личного повара.

Заметив, что жених вроде бы остался доволен, Чжао Мусяо продолжил есть нежный тофу.

— Столько здесь блюд, почему ты ешь только эти три? — Чу Сунхуэй посмотрел на его глаза. — Плохо видишь?

Чжао Мусяо отозвался:

— Я не знаю, острое ли то, что покраснее. Мне нельзя есть острое, от этого начинают болеть глаза.

Чу Сунхуэй помахал рукой перед его лицом.

Чжао Мусяо пояснил:

— Я перенес тяжелую болезнь, и зрение сильно упало. Я вижу, но все очень размыто.

— Оу, размыто...

И при этом он все еще мог играть с кинжалом и вырезать из бамбука флейту? Чу Сунхуэй произнёс легким тоном:

— Ну хорошо, чего тебе хочется, я положу.

Он засучил рукава, убрал в другую сторону пряную рыбу с перцем, острый редис и другие блюда с перцем, заново расставив тарелки:

— Хотя они выглядят красными, все они не острые. А вот эта рыба в листьях лотоса — знаменитое блюдо Поднебесной, полей её соусом, и получится истинное наслаждение.

Говоря это, он взял пиалу с соусом, не прячась, достал из рукава маленький бумажный пакетик, высыпал туда белый порошок, хорошенько размешал и полил рыбу. Аромат стал насыщенным и невероятно соблазнительным.

Чу Сунхуэй поставил рыбу в листьях лотоса перед Чжао Мусяо и с улыбкой произнес:

— Попробуешь?

Посмотрим, хватит ли у него смелости съесть эту отравленную рыбу.

Чжао Мусяо, разумеется, не догадывался о подобных интригах и наивно полагал, что Чу Сунхуэй добавил соли или какую-то другую приправу. Он давно был очарован ароматом блюда, зачерпнул кусок рыбы и отправил в рот — мясо действительно оказалось чрезвычайно нежным и невообразимо вкусным.

Его глаза засияли:

— Очень вкусно, спасибо, господин Чу.

Чу Сунхуэй испытал легкое удивление: тот действительно съел её, готов пойти до конца.

Чжао Мусяо обрадовался, что попробовал нечто еще более вкусное, а жених положил ему еду — человек оказался вроде бы неплохим, вовсе не грубияном. Поразмыслив, он спросил:

— Господин Чу, у вас что-то случилось в дороге? Почему вы так долго ехали?

Чу Сунхуэй понял его намерение разузнать все. Впрочем, скрывать ему было нечего, и он бросил небрежно:

— По дороге встретил разбойников, задержался ненадолго. Ничего страшного, это не помешало нашему тщательно подготовленному обеду на реке.

— Ах? Разбойники? — удивился Чжао Мусяо. — Тогда с господином Чу все в порядке?

Чу Сунхуэй ответил:

— Кучка отребья, они мне не повредят.

— Вот и хорошо.

Чжао Мусяо с облегчением выдохнул и тут же почувствовал укол совести. Оказывается, жених опоздал из-за встречи с разбойниками, но при этом заранее подготовил для него обед на

расписной ладье, убрал острую пищу и сам положил ему особенно вкусную рыбу в листьях лотоса. Жених, господин Чу — прекрасный человек! Как он мог раньше так о нём думать?

Чжао Мусяо глубоко раскаялся, поднялся с места и общими палочками положил несколько кусков рыбы Чу Сунхуэю:

— Господин Чу, вы тоже поешьте.

Чу Сунхуэй посмотрел на куски рыбы с ядом, приподнял брови, усмехнулся и принял их:

— Благодарю.

Притворяется же дурачком. Ну ладно, сыграю с ним подольше.

Покончив с едой, Чжао Мусяо сделал маленький глоток сливового напитка и остался полностью доволен. За окном веял речной ветерок, открывая взору синеву вод и зелень гор. Прогулка у борта судна на фоне бескрайних просторов приносила истинное удовольствие.

Внезапно Чжао Мусяо заметил, что на реке появилась еще одна крытая лодочка, которая, покачиваясь на волнах и разрезая рябь, приближалась к ним. До ладьи оставалось меньше метра, и казалось, что она плывет прямо на них.

Чу Сунхуэй сказал:

— Места здесь красивые: на десять ли простираются лотосы, ивы зеленеют дымкой, да и людей почти нет — самое то для летней речной прогулки на лодке.

Взяв оставшийся наполовину полным кувшин с личи-вином, он в легких белых одеждах легко перепрыгнул на нос лодки под тентом и звонко спросил:

— Поплывём вместе?

Такие виды нельзя было упускать.

Чжао Мусяо торжественно кивнул, неторопливо подошёл к борту и ухватился за перила.

Чу Сунхуэй с любопытством наблюдал за его реакцией, полагая, что тот начнёт притворяться хрупким и слабым или же растерянно попросит о помощи. Однако в следующее мгновение Чжао Мусяо, подобно ласточке, касающейся ветвей, уже легко стоял на носу лодки, едва потревожив водную гладь легкой рябью.

Чу Сунхуэй приподнял брови и не удержался:

— А у тебя отличная легкая поступь.

С такими навыками этот парень не уступал лучшим телохранителям из его собственной охраны. Ранее Чу Сунхуэй уже заметил мозоли на его руках, что выдавало человека, занимающегося боевыми искусствами как минимум десяток лет.

Все становилось куда интереснее.

Чжао Мусяо слегка смутился:

— У господина Чу тоже прекрасная.

Его глаза чуть прищурились, и без какой-либо защиты он был ослеплён полуденным солнцем, отчего взгляд затуманился и появилась резь. Подняв руку ко лбу, чтобы заслониться, он поспешно обратился к Чу Сунхуэю:

— Господин Чу, давайте зайдём внутрь корабля, у меня глаза болят.

Чу Сунхуэй откинул занавеску и жестом пригласил его войти первым. Ну вот, уже не может скрывать, раз даже заговорил с ним тоном капризного кокетства.

Тем временем на расписном судне А-Тун, увидев, что старший молодой господин ушёл с тем человеком в белом, попытался окликнуть его, но был тут же схвачен кем-то из людей на корабле.

Один из них как раз жевал куриную ножку и весело бросил:

— Мы еще не доели, куда ты спешишь?

У А-Туна на душе скребли кошки, но все эти люди выглядели устрашающе и носили оружие, так что злить их он не решался. Еда не лезла в горло.

Когда остальные закончили трапезу и вышли наружу, они принялись издали наблюдать за уплывающей лодкой, сбившись в кучку и тихо переговариваясь:

— Что происходит с нашим маркизом? Раньше, стоило встретить убийцу или очередную «красотку», он разбирался со всеми максимум за чашку чая, причём чем мягче улыбался, тем жёстче расправлялся.

— Именно! А сегодня возится: то обед, то прогулка на лодке, откуда у него столько терпения?

— Наверное, потому что эта «красотка» сегодня слишком хороша собой?

Все дружно уставились на говорившего с презрительным видом и расхохотались:

— Да это же наш маркиз!

В конце концов, когда маркиз улыбался, глядя на самых прекрасных убийц, он думал лишь о том, как бы побыстрее и эффективнее нанести удар, чтобы выглядеть еще круче.

На лодке под тентом Чу Сунхуэй лениво полулежал, запрокинув голову и отпивая личи-вино. В тесном пространстве витал винный аромат. Взглянув на сидящего напротив Чжао Мусяо, он небрежно протянул кувшин:

— Будешь?

Чжао Мусяо послушно покачал головой:

— Нельзя.

— Из-за того, что глаза заболели? — спросил Чу Сунхуэй.

Чжао Мусяо с сожалением кивнул.

Чу Сунхуэй посмотрел на него: все его движения были медленными, сидел он прямо, чинно и донельзя забавно. По сравнению с ним Чу Сунхуэй и вовсе сидел как попало — расслабленно и небрежно. Помолчав немного, он неожиданно заинтересовался и спросил:

— Раз уж ты говоришь, что видишь плохо, ответь-ка мне, как я выгляжу?

— Размыто, — после секундного раздумья серьезно ответил Чжао Мусяо. — У каждого человека есть свои особенности: растянутые и расплывчатые силуэты роста, полноты, цвета кожи и одежды. По этим очертаниям можно судить об облике человека, и пусть это неточно, но на четыре-пять десятков процентов совпадает. В моих глазах господин Чу...

Он вгляделся в Чу Сунхуэя, тщательно подбирая слова:

— Выдающегося облика.

Ишь как умело льстит. Чу Сунхуэй изогнул губы и снова отпил из кувшина личи-вино.

Он намеренно отослал остальных, желая посмотреть, как этот человек проявит себя наедине. И точно — лисьи хвосты постепенно начали показываться наружу.

Чжао Мусяо почувствовал, что господин Чу, судя по всему, остался доволен его ответом, и сам обрадовался. Он уже собирался завести разговор об их помолвке, как вдруг заметил, что молодой господин поднял с дна лодки какую-то вещицу и протянул её ему. Пощупав её, Чжао Мусяо узнал свирель и озадаченно захлопал ресницами, вопрошая, что это значит.

Чу Сунхуэй произнёс:

— Я заметил, что ты делал свирель. Как раз к случаю, на моей лодке тоже нашлась одна — сыграй мне что-нибудь, раз уж выдался такой поэтичный момент.

Чжао Мусяо скривился в затруднении:

— Я очень плохо играю на свирели, даже учитель меня ругал.

Чу Сунхуэй улыбнулся:

— Ничего страшного, послушаю, до чего же это плохо.

Раз уж жених сам так сказал, Чжао Мусяо пришлось пойти наперекор трудностям. Он неловко приподнял свирель и дунул в неё. Про себя сосчитав до трех, они услышали...

— Всё, хватит.

Чу Сунхуэй потер ухо, со смешинкой в голосе искренне протянув:

— Как же красиво, прямо глас небес.

Щеки Чжао Мусяо вспыхнули от жгучего стыда и неловкости:

— Я очень бестолковый, учитель так и не смог меня научить, поэтому в итоге переключился на обучение ремеслу изготовления свирелей.

— Твой учитель обладал пророческим даром.

Чжао Мусяо поспешил сменить тему:

— А вы, господин Чу, умеете играть на свирели?

Чу Сунхуэй небрежно бросил:

— Слегка нанизываю ноты.

Тогда Чжао Мусяо протянул свирель обратно и с надеждой попросил:

— Не мог бы господин Чу исполнить мелодию?

Чу Сунхуэй немного подумал:

— Разумеется.

Его длинные пальцы легли на отверстия, и раздался звук. Мелодия полилась жалобно и далеко, тихая, плавная и влекущая. Камышовая лодка неспешно покачивалась на реке, плывя по течению в самую гущу цветущих лотосов.

Оглядевшись по сторонам, они неожиданно поняли, что со всех четырех сторон их окружают лотосы.

Лодка вплыла прямо в заросли: листья лотосов шуршали и сгибались, бутоны покачивались на ветру, а чистый аромат растворялся в речном просторе.

В этот момент подул удивительно теплый ветер.

На фоне столь умиротворяющего пейзажа Чжао Мусяо почувствовал необычайную слабость во всем теле. Прильнув к борту и свесив голову за ограждение, он лениво прикрыл глаза, прислушиваясь к журчанию воды, каплям росы на листьях лотоса и неторопливым звукам свирели, и незаметно для себя заснул.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/18550/1793107>